

Двадцать лет спустя (Размышления над книгой А.А. Пузыря «Психология. Психотехника. Психагогика»)

А.Л. Венгер

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Международного университета природы, общества и человека «Дубна»

Статья посвящена анализу некоторых тенденций в современной отечественной психологии. Недавние публикации А.А. Пузыря, Ф.Е. Василюка и ряда других российских психологов демонстрируют отказ от ориентации на культурно-историческую и деятельностную парадигму, господствовавшую в отечественной психологии второй половины XX в. Она сменяется поисками нового содержания психологии на стыке с философской и теологической проблематикой. В статье обсуждается вопрос о правомерности и перспективности этого направления движения с учетом общих закономерностей развития психологии и общественного сознания в целом на протяжении последних полутора столетий.

Ключевые слова: культурно-историческая теория, христианская психология, психотерапия, предмет психологии, методы исследования, философия, теология, методология.

Что может быть сокрушительнее для нашего самодовольства, чем ясное понимание того, что сегодня мы порицаем вещи, которые еще вчера одобряли.

Франсуа де Ларошфуко

Внедавно вышедшей книге А.А. Пузыря «Психология. Психотехника. Психагогика» меня поразило неожиданное рассуждение. «Сама жизнь тут “поработала” на гуманистическую психологию, — пишет Пузырей, — поставив человека в такую — воистину “пограничную” ситуацию, в которой он мог бы получить настоящий “инициальный” опыт <...> — в ситуацию, путь к которой иначе пришлось бы специально искать в терапевтической работе, — сама жизнь тут открывает человека действию обновляющей и преобразующей силы, а терапевт, как будто нарочно — пусть и не отдавая до конца себе отчет в этом, — действует как раз наперекор этой силе» [5, с. 265].

Что же это за такая замечательная ситуация, столь выгодная для «гуманистической психологии»? Оказывается, это землетрясение 1988 г. в Армении, когда погибли десятки тысяч людей, это ситуация «...потери руки или ноги или потери своих близких...» [там же].

Как психолог, немало работавший с людьми в экстремальных ситуациях — в Армении и в Израиле, в Москве и в Беслане, — могу сказать, что всегда, *полностью отдавая себе в этом отчет*, «действовал как раз наперекор этой силе». Потому что она — не «обновляющая и преобразующая», а «расчеловечивающая» (по меткому выражению А.Н. Леонтьева), лишаящая человека собственной воли, способности мыслить, сознательно распоряжаться собой и своей жизнью. Да, в этом состоянии человека легко «обновить и преобразовать»,

обратить в любую веру, направить по любому «новому пути» или, проще говоря, зомбировать. Это ли цель «гуманистической психологии»?

В Беслане, в том страшном сентябре, было более чем достаточно «гуманистов», ловцов душ, спешивших направить людей на Новые пути: саентологи — на один, адвентисты — на другой, кришнаиты — на третий, многочисленные медиумы-одиночки — каждый на свой. Извините за резкость, но кровь, страдания и отчаяние — неподходящее поле для упражнений в псевдогуманистической риторике. Тонущему надо бросать спасательный круг, а не ждать, научится ли он в этой «пограничной ситуации» плавать или утонет.

Двадцать лет назад мне казалось, что у нас с автором книги сходные взгляды на психологию и на задачи психолога, работающего с людьми. Сейчас выясняется, что наши позиции почти диаметрально разошлись. Что же за это время произошло?

Этапы большого пути

Юность кончена, приходит
Дерзкой зрелости пора...
Генрих Гейне

В 1986 г. вышла в свет тонкая книжка в мягкой обложке: «Культурно-историческая теория Л.С. Вы-

готского и современная психология». Ее автор, молодой психолог А.А. Пузырей, сразу стал, говоря словами поэта Бориса Слуцкого, «широко известен в узких кругах». Впрочем, круги эти — почитателей Выготского и последователей его культурно-исторической теории — в те годы быстро расширились.

Прошло 20 лет — и вышла солидная книга в твердом переплете: «Психология. Психотехника. Психагогика». В ней известный психолог А.А. Пузырей представил свои работы разных лет: статьи, выступления, тезисы и т. п. Включена в нее и та давняя книжка — «Культурно-историческая теория...». Таким образом, автор дал нам возможность проследить эволюцию его взглядов на протяжении двух десятилетий профессиональной деятельности.

В первой книге читателей привлечет пафос отстаивания культурно-исторической парадигмы, ее бескомпромиссное противопоставление естественнонаучному подходу. Как отмечает сам автор, он дал основание воспринимать себя как «отъявленного апологета» Выготского [5, с. 396]. В более поздних работах авторская позиция принципиально меняется. Теперь Пузырей однозначно утверждает, что «...то понимание “истории” и “исторического”, которые можно реконструировать в рамках “культурно-исторической” психологии <...>, не выдерживает никакой критики с точки зрения современной исторической мысли, с точки зрения современного понимания истории...» [там же].

Начиная с середины 90-х гг., Выготский упоминается Пузыреем все реже. Его новыми кумирами становятся Ницше, Хайдеггер, Мамардашвили, Фуко. Автор настаивает на необходимости создания «Новой психологии», основой для которой должна стать не «старая психология» (включая культурно-историческую теорию), а философия. Дополнительными опорами служат христианская религия и некоторые эзотерические учения (алхимия, дзен).

А.А. Пузырей в своих поисках не одинок. Так, в 1984 г., за два года до начала описываемых событий, вышла в свет тонкая книжка в мягкой обложке: «Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций». Ее автор, совсем молодой психолог Ф.Е. Василюк... но не будем повторяться. Заметим только, что у Василюка аудитория оказалась шире, чем у Пузырея. Одной из причин этого была привлекательность затронутой темы: работа освещала такую новую и актуальную для тогдашней советской психологии область, как психотерапия.

Прошло 20 лет — и вышла солидная книга в твердом переплете «Методологический анализ в психологии». В ней известный психолог Ф.Е. Василюк представил свои работы разных лет. Включен в нее и отрывок из той давней книжки — «Психология переживания...».

Первая книга Василюка была выдержана в традициях культурно-исторической концепции; завершающая глава так и называлась: «Культурно-историческая детерминация переживания» [2]. В целом автор основывался на том варианте этой концепции, который был развит А.Н. Леонтьевым и получил название «общепсихологической теории деятельности».

Книга «Методологический анализ в психологии» позволяет увидеть, как с течением времени изменялся подход автора к психологии и особенно к психотерапии. Культурно-историческая парадигма уступила место христианскому идеалу: «Идеальное, предельно желательное состояние терапевтических отношений <...> наступает, когда терапевт и пациент оказываются способны к такой степени личностной открытости друг другу перед лицом Бога и к такой степени солидарности по поводу смысловой доминанты жизни пациента, что это дает им хотя бы потенциальную возможность совместной, единой и искренней молитвы о смысловой нужде пациента» [1, с. 55]. Эти мотивы еще отчетливее звучат в книге Василюка «Переживание и молитва: Опыт психологического исследования», вышедшей двумя годами позже.

Оба упомянутых выше автора ставят перед собой и перед психологией поистине грандиозные задачи. Василюк заканчивает книгу словами: «У нас теперь такая профессия, что мы в ответе за то, будет ли человек искать в своей душе Эдипа или Христа» [там же, с. 226]. Еще более смелую формулировку дает Пузырей: «Новая психология должна включиться в поиск Нового человека, причем “нового” с большой буквы — в большом, евангельском смысле этого слова» [5, с. 292].

Тенденции, столь явно продемонстрированные в работах Ф.Е. Василюка и А.А. Пузырея, прослеживаются у многих представителей этого поколения российских психологов. Уйдя из-под знамен деятельности и культурно-исторического подхода, взялись за создание христианской психологии* Б.С. Братусь, В.И. Слободчиков и ряд других авторов. Христианской психологии посвящены солидные сборники, специальные номера «Московского психотерапевтического журнала». Общим лозунгом, объединяющим это довольно разнородное движение, стал целостный подход к Человеку во всем богатстве его связей с миром и с Богом.

Итак, перед нами начатки нового учения о человеке. Оно в значительной мере опирается на философию и теологию (богословие), но позиционирует себя как новую методологию научной и практической психологии. Попробуем подробнее рассмотреть возникающие в связи с этим оппозиции: психология/философия, психология/методология, психология/богословие.

* Как справедливо отмечает В.И. Слободчиков, точнее определять ее как «православно ориентированную психологию» [6].

Психология и философия

Ум ограниченный, но здравый в конце концов не так утомителен в собеседнике, как ум широкий, но пуганый.

Франсуа де Ларошфуко

Исторически психология возникла в недрах философии и сравнительно недавно выделилась в самостоятельную область знания. Ее эмансипация определялась, в первую очередь, созданием собственных исследовательских методов. Вообще, метод — это, по-видимому, наиболее универсальный маркер, дифференцирующий разные формы познания. Так, метод искусства — это создание художественного образа или символа; метод богословия — анализ священных текстов и творений своих предшественников; методы психологии — интроспекция, наблюдение, эксперимент и т. д.

Обращаясь к становлению культурно-исторической теории, мы также видим ее специфику, прежде всего в характере развиваемых и используемых ею методов. Это отмечал и А.А. Пузырей в 1986 г.: «Главным в идее метода культурно-исторической психологии является то, что исследование должно быть непосредственно и органически включено в практическое — психотехническое — действие» [5, с. 168]. Автор оценивает это достижение Выготского чрезвычайно высоко: «Большинство классических работ зрелого Выготского в этом отношении — потрясающий исторический документ <...>, знаменующий переход к совершенно новой и до сих пор еще по-настоящему не только не освоенной, но и не опознанной формации психологического мышления...» [там же, с. 175].

Однако 10 лет спустя, в 1996 г., оценка «зрелого Выготского» совершенно меняется: «...понимание человека, которое обычно и связывают с именем Выготского, апеллируя к его классическим работам, составляющим корпус “культурно-исторической” концепции, это понимание человека безусловно является редуцированным и “вырожденным” <...> прежде всего по отношению к ранним работам самого Выготского» [там же, с. 300].

Чтобы понять, чем вызвана такая смена оценок, попробуем проследить путь, пройденный самим Выготским. Как справедливо отмечают А.В. Запорожец [4], Д.Б. Эльконин [7], а вслед за ними и А.А. Пузырей [5], Выготский уже в своих ранних искусствоведческих работах нащупал контуры будущей психологической теории. Суть сделанного им открытия состояла в том, что человеческие переживания существуют не только в форме субъективных состояний, но и во внешней, объективированной форме. Они представлены (объективированы) в произведениях искусства. Более того, внешняя форма переживания предшествует «внутренней». Субъективные переживания как психологические феномены порождаются благодаря «присвоению» индивидом объективированных переживаний, существующих в культуре и воплощенных в произведениях искусства.

Далее Л.С. Выготский распространил этот тезис на все специфически человеческие («высшие») психические функции — логическое мышление, произвольное внимание и т. п. Внешние, существующие в культуре носители этих функций он стал называть «знаками» или «психологическими орудиями» (реже — «психологическими средствами»). Таким образом, индивидуальная человеческая психика является порождением исторически выработанных и сохраняющихся в культуре «знаков». Это центральное положение и определило название теории: «культурно-историческая».

Выготский шел от искусствоведения к психологии. Он стремился найти способ эмпирической проверки своих представлений о культурной обусловленности человеческой психики. Эта цель оказалась достигнута благодаря созданному им методу исследования, впоследствии получившему название генетико-моделирующего. Суть этого метода состоит в том, что в эксперименте воссоздается, моделируется гипотетический механизм культурального (знакового) опосредствования психической функции. Благодаря этому открывается возможность проследить процесс порождения специфически человеческих психических функций в лабораторных условиях [3].

Перейдя от умозрительных построений к экспериментальному исследованию, Выготский был вынужден отказаться от изучения столь сложных образований, как целостное переживание, и ограничиться значительно более простыми моделями — например, овладением искусственными понятиями. К проблеме переживания он попытался вернуться только в своей последней работе об аффекте и интеллекте, так и оставшейся неоконченной.

Итак, у «позднего» Выготского «понимание человека» вовсе не редуцировано; оно осталось тем же, что и прежде. Просто в своих ранних работах он формулирует это понимание в общепсихологических категориях, а в «классических» работах экспериментально проверяет и подтверждает его на отдельных частных примерах.

Теперь становится ясным, почему изменились оценки Пузырея. Дело в том, что сам он двигался в противоположном, по отношению к Выготскому, направлении: от экспериментального подхода он вернулся к герменевтическому (понимающему, истолковывающему). Выготский шел от искусствоведения и философии — к психологии. Пузырей же от психологии возвращается к философии.

В новейших работах других упоминавшихся нами отечественных психологов — в одних с большей, в других с меньшей откровенностью — звучит тот же призыв. Предлагается вернуться от психологических методов исследования к общепсихологическим, от эксперимента — к герменевтике. В начале пути ими провозглашалась (вслед за Выготским) неприменимость в психологии естественнонаучного подхода. Далее началось движение к отказу от рационализма вообще, иногда прикрываемое рассуждениями о необходимости некоего «нового рационализма».

Сказанное выше не следует расценивать как критику. В истории науки пересмотр прежних парадигм, резкие повороты, а иногда и развороты на 180 градусов нередко бывали весьма продуктивны. Однако важно понимать, каково новое направление движения. Наблюдается ли и теперь конфликт, подобный давним спорам между сторонниками объяснительной и понимающей психологий, поведенческой и гуманистической парадигмы, прагматического и экзистенциального подхода?

Мне кажется, что нынешняя тенденция более радикальна. В цитированных работах намечен возврат к философии и теологии, от которых когда-то психология отпочковалась*. Вероятно, стремление вернуться в материнское лоно столь же естественно для науки, как и — по мнению многих психоаналитиков — для отдельного индивида.

Тоска по утерянной целостности взгляда на человека неоднократно побуждала психологов обращаться к философской проблематике. Однако такая полнота взгляда утрачена не по чьему-либо недосмотру и даже не вследствие исторически сложившихся тенденций научного знания. Причина лежит значительно глубже: в распаде прежней целостности человеческого сознания. Об этом можно сожалеть, но этого нельзя отменить. Ценностное триединство Добра, Истины и Красоты давно кануло в прошлое. В современном секуляризованном сознании Добро отдалено этике, Красота — искусству, а Истина — науке. Ныне лишь для глубоко верующих всеми этими ценностями по-прежнему обладает религия. Но именно поэтому глубоко верующим не нужна психология, как не нужна никакая наука, или отделенная от религии этика, или светское искусство.

В современной мирской действительности эти ценности не только распределены между разными сферами сознания, но и изрядно вульгаризированы. Истина понимается как верифицируемость, Добро — как польза (обычно «общественная»), Красота — как соответствие неким сугубо относительным субъективным оценкам. В таком варианте тем более наивной представляется мечта о возврате к их исходному единству. И во всяком случае, если кому и под силу вернуть их первоначальную чистоту и восстановить вожделенную целостность сознания, то уж никак не психологам, сколько бы они ни заигрывали с философией и богословием.

Психология и методология

Мы ничего не раздаем с такой щедростью, как советы.

Франсуа де Ларошфуко

В центре внимания А.А. Пузыря находятся методологические проблемы. В книге Ф.Е. Василюка эти

проблемы даже вынесены в заголовок. К ним снова и снова обращаются Б.С. Братусь, В.И. Слободчиков и другие сторонники обновления психологии.

Отечественная традиция масштабных исследований по методологии психологии восходит к деятельности Московского методологического кружка, возглавлявшегося ярким и талантливым философом Г.П. Щедровицким. Это направление методологических исследований можно назвать директивным. В качестве своей основной задачи оно выдвигало не столько анализ методологических принципов, лежащих в основе существующих психологических концепций, сколько выработку требований к «правильной» методологии. На основе этих требований методологи наметили контуры построения новой психологии. Так архитекторы конструируют из бумаги великолепные здания, возводят колонны и контрфорсы — и создают целые бумажные города.

В течение многих лет методологи пытались предложить свои конструкции строителям-психологам, но их продукция не нашла спроса: у строителей не оказалось материалов (исследовательских методов), которые позволили бы реализовать бумажные замыслы. Зато довольно многие психологи сами включились в движение «методологов», перестав вести конкретно-психологические исследования. Ярким примером этого служит книга А.А. Пузыря, который в одном из выступлений называет Г.П. Щедровицкого своим учителем [5, с. 217].

А.А. Пузырей убедительно показывает, сколь важную роль в развитии психологии сыграла методологическая рефлексия таких крупнейших ученых, как К.Г. Юнг, К. Дункер и особенно К. Левин и Л.С. Выготский. Хотя, по мнению автора, эта рефлексия была недостаточно адекватна, она тем не менее способствовала выработке оригинальных и высоко продуктивных исследовательских методов. Вместе с тем сам Пузырей, начиная с 90-х гг., развивает своеобразную «методологию без метода». Указывая задачи, которые должна решать «Новая психология», он не предлагает средств их решения.

В статье 1999 г. он пишет: «Применительно к психологии эту идею “генеалогии” <...> можно было бы сформулировать в виде “направляющего” эту критическую работу вопроса: как разворачивать анализ психологии — ее современного состояния и ее истории, — чтобы этим анализом и внутри него изыскивать возможность для ведущей этот анализ, эту критическую работу мысли <...> быть иной — иной, дабы “исправлять пути” для прихода новой психологии» [5, с. 450].

Однако ответа на этот вопрос автор так и не дает. Поэтому ему можно предъявить ту же претензию, которую он сам предъявляет психоанализу: «...хотел бы я услышать <...> по поводу каких бы то ни было форм психопрактик — хоть что-то членораздельное и, главное: *реализуемое на деле*, в работе толкования,

* Соответственно, и работы эти следует отнести, скорее, к философским, чем к психологическим. Впрочем, не берусь судить о том, какова их ценность для философии — я не специалист в этой области.

о каком-либо ином способе “понимания”!» [там же, с. 309–310; курсив мой. — А.В.]

Выготского волновала проблематика становления человека в процессе присвоения им человеческой культуры. Пузырей ставит перед психологией другую, куда более амбициозную задачу: спешествовать становлению «Нового человека», выросшего из прежней культуры, как ребенок вырастает из старых штанишек. Постановка проблемы, действительно, масштабная. Но есть ли средства ее решения? Или хотя бы общие идеи о том, где можно эти средства искать? К сожалению, ничего этого нет. Ситуация напоминает старый анекдот, как в авиационный институт пришел человек с рационализаторским предложением: «Наши самолеты должны летать дальше всех, выше всех и быстрее всех!». «Прекрасно! — сказали ему. — И как этого добиться?». «А это уж ваше дело, — ответил он. — Ведь инженеры вы, а не я!».

Та же «методология без метода» характерна для большинства авторов, пытающихся наметить пути развития новой психологии. Если метод все же предлагается, то он оказывается заимствован из источников, далеких от психологии. Так, напомним, что Ф.Е. Василюк в качестве оптимального метода практической психологии (психотерапии) рассматривает совместную *молитву* терапевта и пациента.

Здесь требуется небольшое отступление. Разумеется, молитва оказывает психотерапевтическое воздействие (хотя, вероятно, ее основной смысл все же не в этом). Но в любом случае она относится к сфере *религии*, а не психологии. На это, естественно, можно возразить, что психология (и как один из ее практических разделов — психотерапия) большинство своих методов позаимствовала из каких-либо других сфер. Однако, превращая их в *свои* методы, она привносит в них те или иные приемы и модификации. Например, арттерапия — это не просто художественная деятельность, а ее специфическая *модификация* для нужд психотерапии. Привносить же подобные модификации в молитву вряд ли уместно. Поэтому хочу снова повторить: глубоко верующему не нужна психотерапия, он находит исцеление в религии. Неверующему, напротив, не нужна и не поможет молитва.

Вернемся к вопросу о методологии и методе. Реальная, работающая методология, способная предложить новые методы исследовательской и/или практической деятельности, всегда основывается на анализе реального движения данной области знания, *предугадывая* (а не предписывая!) нарождающиеся тенденции. Выготский, проведя критический пересмотр предшествовавшей ему психологии, не заменил ее чем-то другим, а осуществил ее содержательную перестройку. Примером может служить методика Выготского—Сахарова, которая основана на классической методике Н. Аха, хотя и переработанной в свете новых методологических установок. Пузырей, Василюк и другие упоминавшиеся выше отечественные психологи этого поколения начинали с того же. Они ориенти-

ровались на методы, развитые их предшественниками. Однако позднее они перешли к разработке методологии, основываясь не на «старой психологии», а на других областях теории и практики или же вообще на пустом месте. Это и привело к появлению малопродуктивной «методологии без метода».

Психология и богословие

Всякий необходимо причиняет пользу, употребленный на своем месте. Напротив того: упражнения лучшего танцора в химии неуместны; советы опытного астронома в танцах глупы.

Козьма Прутков

Основной тезис, выдвигаемый сторонниками «новой» (христианской) психологии, состоит в необходимости учета божественного начала в человеке, иначе говоря — «духовного измерения». Как считает В.И. Слободчиков, «уже ни у кого не вызывает сомнений, что человек — это триипостасное существо: мы должны говорить о его телесной ипостаси, о душевной и духовной. Вот эта духовная ипостась в классической психологии была вообще отсечена...» [6].

Действительно, ни классическая, ни «неклассическая» (культурно-историческая) психология не способна постичь духовную сущность человека. Другими словами, она не претендует на изучение человека в его взаимоотношениях с Богом. Однако обвинять ее в этом столь же неправомерно, как ставить в вину химикам то, что они до сих пор не нашли философского камня, не научились получать золото из свинца и не создали эликсира бессмертия. Постигание духовной ипостаси человека было и остается заботой теологии (на теоретическом уровне) и религии (на практическом уровне), а не психологии. Поэтому трудно согласиться с А.А. Пузыреем, настаивающим на том, что «...без обращения к собственно духовному психология и психотерапия принципиально не могут обойтись» [5, с. 275].

Психические процессы, изучаемые психологией, служат лишь почвой, на (или над) которой разворачивается жизнь духа, точно так же, как для самих психических процессов служит почвой активность нейронов, изучаемая физиологией нервной системы. И как неправомерны попытки некоторых физиологов включить в свой предмет изучения психику, так же несостоятельны и посягательства психологов на область духа.

Речь идет не о вундтовском разделении на «низшие» психические процессы, подлежащие экспериментальному изучению, и «высшие», не поддающиеся такому изучению. В течение последних ста лет проводилось успешное экспериментальное исследование как «низших», так и «высших» психических процессов. Однако, как справедливо и единодушно подчеркивают представители философско-религиозного направления, *духовная* жизнь человека несводима ни к какому, даже самым высшим психическим процессам.

За призывом «включиться в поиск Нового человека», за утверждением, что высшей формой психотерапии является совместная молитва терапевта и пациента, стоит претензия на решение тех вопросов, которые никогда не входили и *не могут* входить в компетенцию психологии. Проповедь и молитва, мессианская идея совершенствования Человека и миссионерское* стремление помочь ему обрести в своей душе Христа всегда были прерогативой религии. В православии подобные функции возлагаются на священника — сакральную фигуру, прошедшую таинство рукоположения в сан. Может ли и должен ли брать на себя такую ответственность психолог или психотерапевт? Не превратится ли он в самозванца, блуждающего в потемках и увлекающего за собой доверчивых клиентов?

Надо отдать должное тем из наших коллег, кто давно уже осознал эту опасность. Я имею в виду тех, кто, не найдя в психологии удовлетворения своим духовным запросам, но и не желая оставаться «между двух стульев», окончили духовную семинарию и стали священниками. Это — достойный Поступок, заслуживающий безусловного уважения.

«Новый человек»

Прежде чем сильно чего-то пожелать, следует осведомиться, очень ли счастлив нынешний обладатель желаемого.

Франсуа де Ларошфуко

Обращаясь к историческим примерам, мы видим, что проповедь Нового человека — это заманчивая, но, увы, скомпрометировавшая себя идея. Новый человек, провозглашенный Марксом, выродился в Номо soveticus и хунвейбина, а Новый человек (сверхчеловек) Ницше воплотился в малопривлекательной фигуре нациста.

Предвидя подобные возражения, А.А. Пузырей заранее оговаривается, что он не имеет в виду социалистические идеи «формирования нового человека» или «инженерии человеческих душ» [5, с. 275]. Но ведь ни Маркс, ни Ницше тоже не предполагали тех практических результатов, к которым привели их теоретические умопостроения. Они ведь тоже хотели как лучше...

Поэтому закрадывается подозрение, что сама идея несет в себе существенный изъян, что *любые* специальные усилия по возвращению Нового человека обречены на бесславный финал. Так не лучше ли предоставить событиям идти своим чередом, не пытаясь прищипоривать историческое развитие человека?

Оборотной стороной апологии Нового человека неизбежно становится презрение к обычному, рядовому человеку, «...которого можно было бы назвать “homo

vulgaris” — обыденному, коммунальному, “вульгарному” человеку — “обывателю”. Это — человек, в состав условий существования которого не входят собственно духовные измерения жизни» [там же, с. 264].

А.А. Пузырей не устает клеймить этого «...человека, целиком погруженного в обыденную жизнь, условием существования которого не является внутренняя жизнь и работа над собой...» [там же, с. 268], который «...хочет только одного: чтобы психолог — психотерапевт, психоконсультант — его “обслужил”, разрешил его проблемы и затруднения <...>, чтобы, в конечном счете, максимально успешно и с удовольствием продолжить свою прежнюю жизнь...» [там же, с. 264].

Все так и есть, но откуда этот обличительный пафос? Чем так раздражает автора «homo vulgaris» (что в переводе с латыни означает «человек обыкновенный»)? Кто — кроме разве что Пророка или Художника — вправе требовать от человека чего-то большего? Быть человеком творческим, ищущим, свободным, «человеком пути» — это прекрасно, но, к сожалению, пока что не многим это дано (в силу жизненных обстоятельств, среды, воспитания, личностных особенностей и т. п.). Так что же, оставить тех, кто не стал таковыми, без всякой помощи в их бедах, горестях и психологических проблемах? Или пытаться, вопреки их воле, навязать им полноту бытия и страшную их свободу?

Похоже, что А.А. Пузырей склоняется ко второму варианту. В цитате, с которой начиналась эта статья, речь шла о землетрясении, поставившем людей «...в ситуацию, путь к которой иначе пришлось бы специально искать в терапевтической работе» [5, с. 265].

Итак, клиент приходит к «гуманистическому психологу», и тот начинает «искать путь» к созданию катастрофической ситуации, в которой клиент «мог бы получить настоящий “инициальный” опыт». Хочет ли этого клиент? Нет. Как указывал Пузырей, клиент наивно полагает, что психолог всего лишь «разрешил его проблемы и затруднения». Но какое нам дело до того, чего хочет клиент? Он ведь «обыватель», не понимающий, к чему надо стремиться. Зато это понимаем мы, «гуманистические психологи».

К сожалению, нарисованная мною картина не столь далека от реальности. Мне известны случаи, когда вследствие психотерапии, действительно, возникал личностный кризис (не знаю, вызывался ли он терапевтом сознательно или помимо его желания). Для преодоления этого кризиса «психотерапевтической жертве» приходилось обращаться уже к другому психологу.

Несколько слов о статусе «новой психологии»

Действительно ли новое учение следует рассматривать как психологическое? На мой взгляд, ответ мо-

* Мессианская идея — это представление о том, что придет Мессия и спасет всех верующих в него; миссионерская идея — это стремление обратить в истинную веру неверующих или неправильно, не по-нашему верующих.

жет быть только отрицательным. «Новое» всегда создается на фундаменте «старого» или хотя бы на его месте, если это старое предварительно разрушается «до основания». Иначе это не «новое», а просто нечто «другое». Правда, в США выстроили и новую Москву, и новый Петербург — но вряд ли кто-либо возьмется всерьез утверждать, что это действительно новые воплощения одноименных российских городов.

«Новая психология», возвещаемая А.А. Пузырем и другими названными выше авторами, производит такое же впечатление. Она выстроена далеко в стороне от «старой психологии», каковая, кстати, продолжает существовать, невзирая на убийственную критику. Что из нее взято строителями «нового»? Предмет радикально изменен: это уже не психика, а целостный человек, включая духовное измерение. Методы отвергнуты как не соответствующие новому предмету. Задачи поставлены совершенно другие. Поэтому не удивительно, что и источники для построения «новой психологии» ищутся не в «старой психологии», а в философии, богословии и религии.

Представьте себе, что к огороднику, сажающему редьку, приходит агроном и говорит: «Твоя редька — сухая и горькая. Я дам тебе семена Новой редьки. Она большая, зеленая, полосатая, с сочной и сладкой красной мякотью и с черными косточками. Сажай ее и жди урожая. Правда, в этой почве она не вырастет».

Религия (а вслед за ней — богословие), с одной стороны, и наука — с другой, существуют в разных плоскостях. Религия и богословие основаны на вере, наука — на сомнении (т. е. на *недоверии*) и вытекающей из него необходимости эмпирической проверки выдвигаемых положений. Это принципиально разные формы сознания. Они вполне могут уживаться у одного и того же человека, но каждая из них имеет свою сферу приложения. Так, искренне и глубоко верующий сэр Исаак Ньютон в своих толкованиях Апокалипсиса Св. Иоанна не ссылаясь на законы физики, а в «Математических началах натуральной философии» и «Оптике» не обращался к Священному Писанию.

Отечественные христианские психологи, ведомые самыми благими намерениями — стремлением познать Божественное в человеке, — смешивают несовместимое. Возможно, их сегодняшние попытки опереться на религиозные ценности имеют и еще одну причину: ностальгию по исчезнувшей «передовой идеологии». Она долгие десятилетия выступала для нас как неизменная точка отсчета, даже если мы пытались вести отсчет в противоположную сторону. Нам чересчур привычен пафос построения «самой передовой» и «единственно верной» психологии, ранее — марксистской, ныне — христианской. Как раньше обязательными были ссылки на Маркса и Ленина, так теперь мы спешим явно или неявно сослаться на Евангелие, хотя сказано (и неоднократно): «горе вам, книжники и фарисеи» (Матф. 23: 13—15; 23; 25; 27; 29).

* * *

Попробую подвести краткий итог своим размышлениям.

В последние 10—15 лет наблюдается отход значительной части отечественных психологов от культурно-исторической парадигмы и активный поиск нового содержания психологии в философско-богословской сфере. При этом радикально меняется предмет изучения: это не психика и даже не душа, а целостный человек, включая духовное измерение. Отсюда вытекает непригодность методов традиционной психологии — ни «классической», ни «неклассической».

Таким образом, осуществляется попытка построить новое учение, не имеющее отношения к психологии и называемое этим словом по недоразумению. Перспективы этого учения сомнительны, поскольку необходимым условием его успешного развития является целостность сознания, ценностное триединство Добра, Истины и Красоты. Между тем на протяжении последних веков происходит, напротив, все большая дифференциация форм сознания, и пока не наблюдается признаков прекращения этого процесса.

Философско-богословское направление выступает в качестве методологического ориентира для дальнейшего развития психологии. Однако опыт многолетних попыток навязать «правильную» методологию в качестве норматива, которому должны следовать конкретные исследования, показывает, что такой путь «сверху» бесперспективен. Подлинная методология вырабатывается в ходе самих психологических исследований и лишь рефлексивируется (а не создается!) методологами. При этом я, разумеется, не отрицаю пользу методологической рефлексии для дальнейшего развития психологии.

Серьезные сомнения вызывает внедрение нарождающегося подхода в психологическую (психотерапевтическую) практику. Вряд ли возможно и допустимо применение психотерапии, когда речь идет о «духовном измерении», об отношениях человека с Богом. Эта сфера принадлежит религии и не входит в профессиональную компетенцию психотерапевта.

* * *

В завершение — небольшое лирическое отступление. Как уже упоминалось, в свое время я причислял себя к той же когорте психологов-выготскианцев, что и авторы, с которыми я сейчас полемизирую. В связи с этим мне хотелось бы вспомнить некоторые эпизоды из знаменитого романа Дюма, носящего, по странному стечению обстоятельств, то же название, что и эта статья.

В романе некогда неразлучные друзья, встретившись после двадцатилетнего перерыва, оказываются во враждующих партиях. Дело доходит до поединка, но в результате герои снова воссоединяются на радость читателю. Может быть, и нам пора встретиться на поединке с открытыми забралами?

Литература

1. *Василук Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
2. *Василук Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984.
3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982.
4. *Запорожец А.В.* К вопросу о генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // Избран-

ные психологические труды: В 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М., 1986.

5. *Пузырей А.А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М., 2005.
6. Христианская психология: за и против / Б. Братусь, В. Слободчиков, А. Петровский, М. Кондратьев // http://scepis.ru/library/id_402.html.
7. *Эльконин Д.Б.* Об источниках неклассической психологии // Избранные психологические труды. М., 1989.

Twenty Years After (Brooding over the book by A.A. Puzirey («Psychology. Psychotechnique. Psychagogy»))

A.L. Venger

Ph.D. in Psychology, professor at the Psychology Department at the Dubna International University of Nature, Society and Man

---

The article concerns the analysis of some tendencies in modern home psychology. Recent publications of A.A. Puzirey, F.E. Vasiliuk and other Russian psychologists show the refusal of orientation at cultural-historical and activity paradigm that was predominant in psychology of the second half of the XX-th century. It was replaced by search of new contents of psychology at the butt of philosophy and theology. The competence and the perspective of this direction are under discussion in the context of general regularities of the development of psychology and public conscience on the whole for the period of the last century and a half.

Keywords: cultural-historical theory, Christian psychology, psychotherapy, subject of psychology, research methods, philosophy, theology, methodology.

References

1. *Vasilyuk F.E.* Metodologicheskii analiz v psihologii. M., 2003.
2. *Vasilyuk F.E.* Psihologiya perezhivaniya. M., 1984.
3. *Vygotskii L.S.* Myshlenie i rech' // Sobr. soch.: V 6 t. T. 2. Problemy obshei psihologii. M., 1982.
4. *Zaporozhec A.V.* K voprosu o genezise, funkcii i strukture emociional'nyh processov u rebenka // Izbrannye psiho-

logicheskie trudy: V 2 t. T. 1. Psihicheskoe razvitie rebenka. M., 1986.

5. *Puzyrei A.A.* Psihologiya. Psihotehnika. Psihagogika. M., 2005.
6. Hristianskaya psihologiya: za i protiv / B. Bratus', V. Slobodchikov, A. Petrovskii, M. Kondrat'ev // http://scepis.ru/library/id_402.html.
7. *El'konin D.B.* Ob istochnikah neklassicheskoi psihologii // Izbrannye psihologicheskie trudy. M., 1989.